

© 1992 г.

ВОРКАЧЕВ С. Г.

БЕЗРАЗЛИЧИЕ VS. ПРЕЗРЕНИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА)

Связь безразличия с презрением несомненна: в большинстве толковых и энциклопедических словарей презрение (*desdén*) объясняется через безразличие (*indiferencia*) [1—6], а в тематических (понятийных) и синонимических словарях эти понятия попадают в одну словарную статью [7, с. 138, 237; 8, с. 353, 617]. Очевиден также и тот факт, что для выражения безразличия и презрения в языке используются в значительной мере идентичные средства [9, с. 1; с. 967; т. 2, с. 119; 7, с. 139, 237]. В связи с этим возникают вопросы: 1) в чем состоит специфическое отличие презрения от безразличия в семантическом и коммуникативном плане; 2) какие языковые средства являются специфическими для выражения и того, и другого; 3) в каких условиях показатели безразличия функционируют в качестве показателей презрения и как складываются между ними в этом случае отношения многозначности (омонимия, полисемия, синкретизм, нейтрализация, амфиболия). Как представляется, ответить на эти вопросы можно на основе анализа компонентного состава и условий употребления смыслового ряда предикатов презрения (*despreziar, desdeñar, menospreciar, desestimar, vilipendiar* и др.), а также сведений о презрении, накопленных философией и психологией эмоций.

Из всех эмоциональных состояний, обычно выделяемых в психологии (аффекты, страсти, собственно эмоции, чувства, настроения, стрессы) [10; 11, с. 28, 200, 344, 392, 407], презрение по таким характеристикам, как интенсивность и предметность-ситуативность, занимает, очевидно, срединную позицию между собственно эмоциями и чувствами: как чувство оно отличается относительной устойчивостью, как эмоция оно имеет достаточно выраженный ситуационный характер и передает оценочное отношение к складывающейся или возможной ситуации. Презрение, «наиболее холодная эмоция» из всех эмоций враждебности [12, с. 300], носит явно рассудочный (cognitive) характер [13, с. 450] и принадлежит к числу личностных или даже межличностных (social) эмоций [13, с. 450]. В прямом своем значении оно возможно лишь по отношению к объектам, так или иначе связанным с физической (тело, одежда, семья, дом, имущество), социальной либо духовной личностью человека, с тем, что он относит к «МОЕМУ» [14; 15]. В этом смысле для реализации презрения необходимо реальное или потенциальное присутствие «чужого сознания» — деонтических и аксиологических норм, требований, желаний, стремлений, мнений, вкусов, поступков, носителем которых выступает индивидуальный или социальный субъект. Обращение презрения на себя, на сферу своей собственной личности переживается как стыд (Ср.: «Стыд — это боязнь перед возможным презрением со стороны присутствующего лица» [16]). В эволюционной перспективе презрение могло возникнуть как средство психологической защиты в ситуациях, когда индивиду необходимо

чувствовать себя сильнее, умнее, лучше, чем презируемое лицо [12, с. 299], особенно в том случае, когда человеку нечего больше противопоставить обстоятельствам и лицам, которые сильнее его («Если мы откажемся от презрения, мы лишим себя последнего оружия. Пусть это чувство будет внутри нас и абсолютно невидимо со стороны, но оно должно быть» [17]).

В определениях презрения, даваемых философами XVII в., исследовавшими аффекты и «страсти души» («Презрение... есть стремление души установить ничтожность, незначительность презируемого предмета» [18]; «Презрение состоит в том, что ставят кого-либо вследствие ненависти ниже, чем следует» [19]; *Contemptus... est declaratio opinionis impotentiae alienae* [20] «Презрение есть объявление чужого бессилия»), — уже присутствуют основные семантические характеристики этого чувства: личностный характер, отрицательная оценочность, рассудочность, связь с нормой. Презрение может быть направлено на такие атрибуты личности, как поступки и сознательно благоприобретенные свойства, и тогда быть связанными с этической оценкой в форме осуждения. Оно может также быть направлено на расовые, сословные, физические, физиологические и психические характеристики личности, обладание которыми не зависит от ее воли и желания, и быть не связанным с этической и социальной доминантой [21]). Семантическая модель этимона презрения в русском языке (< др.-русск. *прѣ-зирати*) и латинского *despectio* основана на том, что кто-то смотрит «сверху вниз» на кого-, что-либо [22, 23]. Ядро синонимического ряда предикатов презрения испанского языка *despreciar*, *desdeñar*, *menospreciar* образовано путем отрицания ценности (*des-precia*), значимости (*des-dignare*) объекта либо путем принижения этой ценности (*meno-spreciar*). Наблюдения над ассоциативно-синонимическими связями показателей презрения показывают, что статья *desprecio* тематических и синонимических словарей включает, наряду с показателями собственно презрения, передающими состояние духа (*estado de ánimo*), лексемы, выражающие способ манифестации презрения, вербальный (*difamar* «ославить», «очернить») и невербальный (*reírse de* «смеяться над», *escupir* «плевать», *sacar la lengua* «показывать язык», *mirar de arriba abajo* «смотреть сверху вниз» и др.), а также реакции лица на проявление чьею-либо презрения (*ofender* «обижать», *ultrajar* «оскорблять», *rebajar* «унижать» и пр.) [7, с. 139; 8, с. 373]. Презрение — состояние духа может быть направлено и на «фантомный» объект: деонтические нормы и ценностные установки определенной социальной группы, расцениваемые субъектом заочно как недостойные его собственного личностного статуса. Даже в метафоризированных сочетаниях (*презирать богатство, деньги, смерть, славу* и др.) презрение осмысленно лишь при допущении того факта, что ценности (отрицательные или положительные), на которые оно направлено, большинством признаются именно ценностями. «Состояние духа», естественно, может обходиться без знаковой манифестации, а отсутствие непосредственного «адресата» презрения избавляет последнего от необходимости эмоционально реагировать на него. Такое презрение соотносимо со смысловым рядом предикатов, открываемых глаголом *despreciar*: *despreciar*, *menospreciar*, *desestimar* и др. Объектом презрения являются не только и не столько нормы и ценностные установки адресата, но прежде всего желания, намерения, надежды, ожидания последнего — все то, на что ориентированы нормы вежливости в межличностном общении. Именно в такой ситуации безразличие (например, к высказанному желанию речевого партнера — просьбе) воспринимается говорящим, хочет он того или нет, как отказ и расценивается им как презрение, вызывая обиду, вос-

принимаясь как унижение, оскорбление. Такое презрение соотносится со смысловым рядом предикатов, открываемым глаголом *desdeñar*: *desdeñar*, *desairar*, *desatender*, *ofender*, *ultrajar*, *villipendiar* и др. Действительно, в основе межличностных отношений — отношений социального взаимодействия, определяющих возникновение и формирование специфически человеческих чувств [24, с. 264], лежит «я-концепция» индивида [24, с. 277; 11, с. 419]), связанная прежде всего с его самооценкой, уровнем собственного достоинства и с ожиданиями если не одобрения, то по меньшей мере уважения со стороны «значимых других» — эталонной группы, к членам которой он себя относит или хотел бы относить [24, с. 212]. Вежливость как раз и закрепляет в своих нормах право человека на уважение и внимание со стороны других к его «отрицательному и положительному лицу» (*negative and positive face* [25, с. 66—67]), а безразличие к чувствам и желаниям человека со стороны окружающих расценивается им как проявление враждебности, в том числе и презрения [25, с. 70—71]. В общем и целом презрение представляет собой прежде всего отрицательную эмоцию, вызываемую у субъекта суждением о превосходстве норм и ценностных установок эталонной группы, к которой он себя относит или хотел бы относить, над нормами и ценностными установками конкретной или теоретической социальной группы или лица, на которое это презрение обращено. Презрение способствует возникновению у субъекта чувств враждебности [12, с. 300], гнева и отвращения. Кроме того, презрение включается в «историю» [26] таких эмоций, вызываемых у лица, ставшего объектом презрения, как чувства обиды, унижения, оскорбленности и пр.; и таких поведенческих актов, как насмешка, отказ и, наконец, безразличие к желаниям и ожиданиям этого лица. Необходимым коммуникативным условием интерпретации показателей безразличия как показателей презрения является «стереоскопичность» [27] ситуации: присутствие наблюдателя, могущего совпадать с лицом, на которое обращено безразличие.

В конкретном высказывании, в речи презрение может находить прямое или косвенное выражение либо быть включенным в «историю» лексической единицы, как это происходит, например, с глаголами *ofender* «обижать», *ultrajar* «оскорблять», *rebajar* «унижать» и пр. В прямой своей форме презрение передается прежде всего собственно предикатами презрения *despreciar*, *menospreciar*, *desdeñar* и именами, отсылающими к унижению, т. е. отрицательной оценке личности: *bajo/bajeza*, *vil/vileza*, *infame/infamia*, *abjecto*, *ruín* «низкий, подлый/низость, подлость», *despreciable*, *contemptible* «презренный» и др. Ряд этот можно продолжить. Сюда войдут все отрицательные оценки лица, задевающие личностные черты человека: *estúpido* «глупый», *avaro* «скупой», *idiota*, *imbécil*, *mentecato* «дурак, идиот» и др. [9, т. 1, с. 967]. Если собственно предикаты презрения передают эту эмоцию зачастую абстрактно, без указания на основание оценки, то в семантике имен — показателей презрения, как правило, это основание присутствует: *estúpido* «глупый», *vil* «подлый» и пр. Следует отметить, что собственно предикаты презрения используются преимущественно для описания этой эмоции, т. е. употребляются в функции показателей именно презрения в лицах и временах, отличных от 1 л. наст. вр. индикатива: *X desprecia a Y* «X презирает Y». В 1 же л. наст. вр. индикатива их основной иллокутивной функцией в ситуации непосредственного общения будет, очевидно, функция оскорбления-унижения: *Yo te desprecio/desdeno* = *Yo quiero ofenderte, humillarte* «Я тебя презираю = Я намерен тебя оскорбить, унижить». Для передачи собственно презрения в такой ситуации

уместнее употребить именные показатели: *Es una infamia/vileza/bajeza lo que has hecho* «То, что ты сделал, — низко, подло/низость, подлость».

К числу косвенных и ситуационно обусловленных, т. е. окказиональных, средств передачи презрения можно отнести всю отрицательно-оценочную лексику — корневую и пейоративно-суффиксальную, употребляемую для оценки личности либо предметов «личной сферы» адресата презрения (*cabrón* «рогоносец, негодий», *chusma* «отребье», *casucha* «развалюха» и др.), соматизмы и образованные путем их вербализации фразеологизмы (*mirar sobre hombro* «смотреть через плечо», *escupir* «плевать», *sacar la lengua* «показывать язык», *volver las espaldas* «отворачиваться», *reírse* «смеяться» и др.). И, наконец, в число окказиональных показателей презрения входят показатели безразличия всех трех семантических разрядов: Ф-безразличия, К-безразличия и «серой полосы» [28].

Для реализации предикатами *despreciar*, *menospreciar*, *desdenar* значения презрения как эмоции, вызываемой у субъекта сознанием превосходства его собственной системы ценностей над системой ценностей другого лица, необходимо, чтобы место объекта этих предикатов было занято именами лиц либо, по меньшей мере, предметов, непосредственно относящихся к личности человека: *Cuanto más desprecio a esos loros pintajarreados, más me desprecio a mí misma* (E. Sábato) «Чем больше я презираю этих размазанных попугаев, тем больше и презираю себя»; *Es un castigo porque siempre he despreciado a los pobres, porque siempre les digo chusma* (M. Benedetti) «Это наказание за то, что я всегда презирала бедных, за то, что я всегда их называла быдлом»; *El menospreciaba su protección. Y Mariana hubiera querido — sinceramente, cariñosamente, piadosamente — protegerlo* (M. Benedetti) «Он презирал ее покровительство. А Мариана хотела бы — искренне, с любовью, почти набожно — защитить его»; *Y la idea de que la mujer pudiera menospreciarme y, por lo tanto, considerarse superior a mí, se me hacía intolerable* (E. Serpa) «А мысль о том, что женщина может презирать меня и, тем самым, считать себя выше меня, мне становилась невыносимой».

Появление же в качестве прямого дополнения этих глаголов, различных абстрактных имен не соотносимых по своему значению с чьей-либо «личной сферой» (*despreciar el peligro, el dinero, la fama* «презирать опасность, деньги, славу» и пр.), свидетельствует, скорее, о реализации здесь признаков, характеризующих личность самого субъекта, который не ценит, не придает значения вещам, к которым отираивляет имя объекта (*презирать деньги* = «быть бессребреником», *презирать опасность* = «быть смелым, бесстрашным», *презирать славу* = «быть нечестолюбивым» и др.): *Yo desprecio la calumnia, madre. — Yo no, hijo* (L. Alas) «Мам, я презираю клевету. — А я — нет, сын»; *Pero con ser tan molesto este odio de la gran masa escandalizada, ella no sentía miedo ni indignación; lo despreciaba* (V. Blasco Ibáñez) «Несмотря на все беспокойство от этой ненависти возмущенной толпы она не чувствовала ни страха, ни негодования: она ее презирала».

Это же значение — характеристики субъекта — реализуется в случае употребления после предикатов собственно презрения имен дополнения-лица без предложного управления а: *Además, ya hemos visto que usted desprecia novios millonarios, como al abogado de la famosa carta* (P. A. Alarcón) «Кроме того, мы уже видели, что вы презираете женихов-миллионеров, как, например, адвокат из небезызвестного письма».

Основным отличием предиката *desdenar* от предикатов *despreciar* и *menospreciar* является признак «публичности манифестации» (*desdenar in-*

«dica un desprecio de carácter público y manifiesto» [29]; «*desdeñar... despreciar* manifiesta y ostensiblemente» [30]), т. е. в семантику этого предиката включена «стереоскопичность» как точка зрения стороннего наблюдателя-интерпретатора. Презрение (*desprecio*) как «состояние духа» субъекта может получать чисто вербальное выражение лишь в 1 л. наст. вр. индикатива, т. е. в форме перформатива: сказать «Я тебя презираю» равнозначно самому акту презрения. В неперформативных же формах, прежде всего в формах, отличных от 1 л., описание презрения, как правило, требует внешней манифестации, дающей основания для интерпретации «состояния духа» субъекта именно как презрения, и в этих формах противопоставление *desdeñar* и *despreciar* частично нейтрализуется: Todos los de su clase son gente muy especial. *Desprecian* a los médicos, no los atienden, y se matan con estas bárbaras devociones, de las que esperan la salud (V. Blasco Ibáñez) «Все они — весьма необычные люди. Они презирают врачей, не обращаются к ним и убивают себя той самой набожностью, от которой они ждут здоровья»; Yo pudiera hacerte el hombre más feliz del mundo y en cambio me *desprecias* por correr detrás de unos votos, de una popularidad que es flaca como el humo (J. R. Brene) «Я смогла бы сделать тебя самым счастливым человеком в мире, а ты же пренебрегаешь мной и гоняешься за голосами избирателей, за популярностью, которая рассеется как дым».

Можно также отметить, что предикаты *denigrar*, *vilipendiar*, *deprimir*, входящие в число предикатов презрения [30, с. 129] и связанные с отрицательной оценкой действия субъекта [30, с. 129], «всегда включают в себя несправедливость и злонамеренность»; и прочие предикаты, направленные на «поражение» личности (*оскорблять*, *обижать*, *унижать* и др.), в 1 л. наст. вр. индикатива во избежание «иллокутивного самоубийства» [31] практически не употребляются, за исключением весьма специфических и искусственных ситуаций (*Я тебя оскорбляю, а ты делаешь вид, что не понимаешь*).

Показатели Ф-безразличия [32], передающие безразличие субъекта к какому-либо факту (*no importa* «не важно», *da igual*, *es lo mismo* «все равно» и пр.), могут получать интерпретацию показателей презрения лишь в составе высказываний, используемых преимущественно в диалогической речи, при непосредственном обращении к речевому партнеру. При этом безразличие говорящего к желаниям, мнениям, вкусам и ценностным установкам слушающего воспринимается последним как презрение, т. е. прямой речевой акт безразличия говорящего воспринимается слушающим как косвенный речевой акт презрения. В качестве объекта такого безразличия/презрения выступают, как правило, предметы «личной сферы» (о личной сфере см. [33]) речевого партнера: Tu turbio pasado me *importa un bledo*. Déjame en paz (A. Sastre) «Мне наплевать на твое темное прошлое. Оставь меня в покое»; ¡Ay, hija, tú eres una golfa! — Bueno, yo soy lo que usted quiera, a mí *no me importa* (C. J. Cela) «Ах, дочь моя, да ты просто потаскуха! — Кем бы вы меня ни считали, мне наплевать».

Особенно часто показатели Ф-безразличия передают косвенный речевой акт презрения в ситуации отказа говорящего слушающему в праве на получение интересующей его информации либо в постановке под сомнение такого права: ¿Había algún aquí contigo? — ¿Y a ti *qué te importa*? — replicó ella desafiándolo con la mirada, mientras se plantaba delante de él, con los brazos en jarras (M. Carrión) «Здесь кто-то с тобой был? — А тебе какое дело? — ответила она, глядя на него вызывающе и став пе-

ред ним подбоченившись»; ¡Hola! ¿Ya forman ustedes rancho aparte? — dijo en un tono brutal que no me agradó, plantándose delante de nosotros. — ¿Y a usted qué le importa? — preguntó Joaquinita con acento pícaro y agresivo, del cual no la creyera capaz (A. Palacio Valdés) «Привет! Так вы уже отделились? — сказал он грубо, остановившись перед нами. — А вам какое дело? — спросила Хоакинита враждебным тоном, на что я ее не считал способной».

Показатели «серой полосы» — посредственности, заурядности, *medio pelo, ni chicha ni limonada, ni carne ni pescado* и др., отсылающие к срединной точке оценочной шкалы («ни хорошо ни плохо»), передают презрение, характеризуя личность в совокупности таких ее черт, обладание которыми не зависит, как правило, от воли человека, в связи с чем такое презрение не связано с осуждением. Для реализации презрения показателями «серой полосы» непосредственность ситуации общения не является обязательной. Деспективность этих показателей при характеристике личности объясняется, очевидно, фактом закрепленности за личностью в общественном сознании как положительной черты выделенности из ряда, неординарности, оригинальности, индивидуализированности, а отсутствию этих черт приписывается отрицательный оценочный знак, заурядная личность ставится ниже нормы, соответствующей полноценной личности: Los tíos de Elena, gente de *medio pelo*, los habrían hallado precisamente muy de *medio pelo* (P. J. Vera) «Родственники Елены, люди заурядные, их нашли бы как раз весьма заурядными»; Ahora, lo que se llama el *media tinta*, el que no es *ni una cosa ni la otra*, el tontuelo, ése aquí no se da (M. Barnet) «А то, что называется посредственностью, ни то ни се, дурачок, такого здесь нет».

Из числа показателей К-безразличия, передающих безразличие говорящего к выбору представителя из класса объектов, задаваемых определенным признаком, презрение передается, опять же в любой ситуации общения, лишь лексемой *cualquiera* в приложении к характеристике личности. Чаще всего это местоимение употребляется в такой функции с неопределенным артиклем: Meme se había presentado en la iglesia, adornada como una *cualquiera* elevada a la categoría de señora (G. García Márquez) «Меме появилась в церкви, разукрашенная, как какая-нибудь потаскуха, ставшая сеньорой»; Y era verdad; el magistral despreciaba a la del Banco y la tenía por una *grandísima cualquier* cosa (L. Alas) «И это было правдой: магистр презирал банкиршу и считал ее изрядной дрянью»; ¡Luego yo soy para usted un *cualquiera*...! — Y un *cualquiera* de los peores... (P. A. Alarcón) «Значит, я для вас кто попало...! — И притом один из худших...».

Способность показателей К-безразличия к передаче презрения связана, как и в случае показателей «серой полосы», с установкой человеческого сознания на неординарность, незаурядность личности как норму, отклонение от которой получает отрицательную оценку: ¡Pues bueno fuera que mi pecho se abriera para *cualquiera*! (Seguidilla) «Только того не хватало, чтобы мое сердце открылось для кого попало!»; Llévate tu cacharro. Lo último que faltaba es que *cualquiera* venga a dar ordenes en mi casa (G. García Márquez) «Уноси свою рухлядь. Не хватало только, чтобы всякие распоряжались в моем доме».

Если соотношение словарных значений безразличия и презрения, передаваемых показателями Ф-безразличия, носит характер синонимии, поскольку безразличие и презрение друг с другом непосредственно не связаны и относятся к разным семантическим категориям (безразличие яв-

ляется оператором нейтрально-оценочной модальности, презрение — отрицательной эмоцией), то в составе речевых реализаций этих показателей соотношение безразличия и презрения носит уже характер стереоскопического синкретизма: безразличие субъекта речи выступает для его речевого партнера или наблюдателя как презрение, при условии, конечно, что объектом этого безразличия/презрения является личность речевого партнера.

Соотношение словарных значений безразличия и презрения, передаваемых показателями «серой полосы» и К-безразличия, носит характер полисемии, поскольку заурядность и презрение являются отрицательно-оценочными смыслами, между которыми явно просматриваются семантические связи: посредственность/заурядность — антинорма идеала личности — презрение. В речи же реализуется одно из этих значений, презрение — в случае направленности на объект оценки — личность, безразличие — во всех иных случаях.

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что презрение как эмоция, вызываемая у субъекта переживанием суждения о превосходстве его собственного личностного статуса и связанной с ним системы ценностей над соответствующим статусом и системой ценностей другого лица (группы лиц), передается показателями безразличия лишь при том условии, что объектом этого безразличия является личность и/или предметы, входящие в ее «личную сферу». Функционирование показателей Ф-безразличия в качестве показателей презрения связано с явлением стереоскопического синкретизма, при котором одновременная реализация каждого из этих значений зависит от точки зрения говорящего/протагониста — слушающего/наблюдателя. Презрение, передаваемое показателями «серой полосы» и показателями К-безразличия, имплицитно ориентацией ценностного идеала личности на «антинорму», на выделенность из ряда, индивидуализированность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gran diccionario de la lengua española: Diccionario de uso. Madrid, 1985. P. 609.
2. Real academia española. Diccionario de la lengua española. Madrid, 1970. P. 448.
3. Diccionario Durvan de la lengua española. T. 1—2. Bilbao, 1983. P. 556.
4. Alonso M. Diccionario del español moderno. Madrid, 1979. P. 350.
5. Diccionario Everest de la lengua española. León, 1979. P. 503.
6. Pequeño Larousse ilustrado. La Habana, 1968. P. 338.
7. Casares J. Diccionario ideológico de la lengua española. Barcelona, 1981.
8. Sainz de Robles F. C. Ensayo de un diccionario español de sinónimos y antónimos. La Habana, 1968.
9. Moliner M. Diccionario de uso del español. T. 1—2. Madrid, 1986.
10. Леонтьев А. А. Эмоции // Философская энциклопедия. Т. 5. М. 1970. С. 554—555.
11. Краткий психологический словарь. М., 1985.
12. Изард К. Е. Эмоции человека. М., 1980.
13. Tzeng O. C. S., Hoosain R., Osgood Ch. E. Cross-cultural componential analysis on affect attribution of emotion terms // Journal of psycholinguistic research. 1987. V. 16. № 5.
14. Джеймс У. Личность // Психология личности. Тексты. М., 1982. С. 61—63.
15. Мейли Р. Различные аспекты Я // Психология личности. Тексты. М., 1982. С. 132—133.
16. Кант И. Соч. В 6-ти т. Т. 6. М., 1986. С. 501.
17. Трифонов Ю. Собр. соч. В 3-х т. Т. 2. М., 1986. С. 46.
18. Декарт Р. Страсти души // Декарт Р. Избр. произведения. М., 1950. С. 670.
19. Спиноза Б. Этика // Спиноза Б. Избр. произведения: В 2-х т. Т. 1. М., 1957. С. 512.
20. Leibniz G. W. Tabulae definitiorum // Słownik i semantyka. Definicje semantyczne Wrocław, 1975. S. 62.
21. Графова Т. А. Роль эмотивной коннотации в семантике слова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987. С. 12.

22. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961. С. 267.
23. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1976. С. 275.
24. Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969.
25. Brown P., Levinson S. Universals in language usage: Politeness phenomena // Questions and politeness: Strategies in social interaction / Ed. by Goody E. N. Cambridge, 1978.
26. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII: Прикладная лингвистика. М., 1983. С. 108.
27. Падучева Е. В., Зализняк Анна А. Семантические явления в высказываниях от 1-го лица // *Finitis duodecim lustris*. Сб. статей к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллинн, 1982. С. 143.
28. Воркачев С. Г. Нейтральная модальность как оператор в семантике естественного языка // ИАН СЛЯ. 1986. № 4. С. 331—332.
29. Zainqui J. M. Diccionario razonado de sinónimos y contrarios. Barcelona, 1973. P. 337.
30. Gili y Gaya S. Vox. Diccionario de sinónimos. Barcelona, 1965. P. 129.
31. Вендлер Э. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 247.
32. Воркачев С. Г. О некоторых модальных операторах (значение безразличия в испанском языке) // ВЯ. 1985. № 1. С. 109—114.
33. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и паянная модель мира // Семантика и информатика. Вып. 28. М., 1986. С. 28.